

Из блокнота журналиста

Труд. - 1993. - 14 авг. - с. 7

ПРОЩАНИЕ С МАРБУРГОМ

По немецким понятиям, очень нескладно добираться до Марбурга. Непостижимо, что при густой сети магистральных автострад к этому городу на машине приходится ехать по здешним проселочным дорогам как бы поперек сверхскоростных автобанов. Перед самым Марбургом пути-дороги сходятся в кольцо, а уже из него, рассыпаясь по деревушкам, неожиданно приводят прямо к подножию старого города.

Формально он и начинается в этих деревушках, но по существу — с прежнего места, с Гиссельбергерштрассе, с дома № 15, невзрачного, примечательного лишь мемориальной доской:

«Борис Леонидович Пастернак 1890—1960. Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1958 г.). Студент Университета им. Филиппа в Марбурге. 1912 г.

Прощай, философия!»

Что привело его в этот диковинный город, не за тем же он ехал сюда, чтобы распрощаться с философией? Ведь молодого Пастернака влекла в Марбург именно она...

Правда, выросший в творческой, но, вопреки часто бытующим у нас представлениям, далеко не богатой семье, Борис с детства испытывал сильнейшее влечение музыкой: «...жизни вне музыки я себе не представлял... музыка была для меня культом, то есть той разрушительной точкой, в которую собиралось все, что было самого суверенного и самоотреченного во мне. Больше всего на свете я любил музыку, больше всего в ней — Скрябина». И у Глиэра он был в учениках.

Видимо, наблюдая нелегкую жизнь матери-пианистки, зарабатывавшей уроками, Борис искал жизненную опору в более солидной профессии, поступив на юридический факультет Московского университета. С музыкой он, однако, не порывал, осмелился однажды «показать себя» Скрябину. Знаменитый и деликатный композитор благосклонно оценил музыкальные успехи юноши, а что касается профессии, посоветовал ему перейти на философский факультет. Пастернак немедленно последовал совету своего кумира: «...Философией я занимался с основательным увлечением, предполагая где-то в ее близости зачатки будущего приложения к делу».

Музыка еще оставалась, появились стихотворные пробы, оцененные, правда, будущим великим поэтом как «несчастливая слабость». Все поглотила философия.

Как-то в апреле 1912 года мать сообщила Борису, что накопила, давая уроки, 200 рублей и дарит ему с советом съездить за границу. «Фортельяного брэнчанья по такой сумме, — вспоминал он, — надо было натерпеться немало». Двести рублей, конечно, на любимую философию. Но почему надо было ехать в Марбург? Дело в том, что среди множества философских направлений начала века марбургское занимало особое место. И двадцатитрехлетний Пастернак очень точно определил привлекательные для себя стороны этой философской школы.

«Во-первых, оно было самобытно, перерывало все до основания и строило на чистом

месте. Оно не разделяло ленивой рутины всевозможных «измов»... Марбургская школа обращалась к первоисточникам, т. е. подлинным распискам мысли, оставленным ею в истории науки.

...Вторая особенность... заключалась в разборчивом и взыскательном отношении к историческому наследию. Школе чужда была отвратительная снисходительность к прошлому, как к некоторой богадельне, где кучки стариков в хламидах и сандалиях или париках и камзолах врут непроглядную отсбятину... На историю в Марбурге смотрели... гениально обобщенно, но в то же время и в точных границах здравого смысла и правдоподобия».

С этими мыслями и высадился Борис Пастернак на марбургском вокзале.

...Мы стоим на этом историческом, но мало изменившемся месте с признанным зарубежным знаменителем творчества Пастернака. моей великодушной помощницей, преподавателем университета Барбарой Кархоф, без титанических усилий которой никогда бы не предстал перед нами короткий — всего в пять месяцев, — но столь важный марбургский отрезок в судьбе поэта.

— Еще до Марбурга, студенткой, я увлеклась творчеством Бориса Пастернака. Литературным, не философским. Приехав сюда в 1971 году на работу, стала по крохам восстанавливать все связанное с его пребыванием в городе. Кто восемьдесят лет назад мог увидеть в иностранном студенте, которыми всегда был полон Марбург, будущую гениальность? Да и сколько потом обрушилось на Германию и Марбург событий в нашем бурном столетии.

Так что только на поиски комнаты, где он жил, потратила несколько лет, но все же ее нашла.

Не только нашла. К 1977 году — 450-летию Марбургского университета — в «борьбе с бюрократами» и преодолевая житейское недовольство обывателей, добилась открытия мемориальной доски — раньше, чем память поэта была увековечена запоздавшей с благодарностью родиной.

Дом у подножия марбургской горы. Серенький, стены в дождевых потеках, почерневшие балки. Комната на третьем этаже с узеньким оконцем и по-прежнему «дрянным», можно согласиться с поэтом, балкончиком. Славала ее старушка чиновница, жившая на скудную вдвойню пенсию вдвоем с большой дочерью, которая, как и ее мать, разумеется, не дождала до наших дней.

Жилья получше студент из России не искал. Надо было выкроить деньги на вступительный взнос в университет, оплачивать отдельные «семинарии и

курсы». Борис еще дома продумал «спартанскую программу» — комната в подгородной деревушке, хлеб с колбасой да чай». Вечером в глухом сопеение кухонной спиртовки — Пастернак долго питал к ним слабость, ненавидя позднее появившиеся примусы-керосинки, врывалось учащенное позвякивание механического колокола, под звуки которого опускался шлагбаум. Колокол давно заменили электросигналом. Шлагбаум остался.

Остался и вид на старый город из узкого оконца десятиметровой комнатенки. Время мало изменило сердцевину Марбурга, хотя часто страдал старый город не столько от лихолетья эпох, сколько от пожаров. И немудрено. Его улочки извилистым серпантинном сбегают вниз по горе от старинного замка, образуя ярус за ярусом из тесно прижавшихся друг к другу домиков с крошечными двориками или вообще без них. Даже сейчас не сразу разберешь, где верхняя часть стены одного домика переходит в кусок крыши другого, а та в крошечную террасу следующего. Непередаваемое своеобразие и очарование, но, увы, и риск всеобщего пожара от случайной искры. К счастью, огонь пощадил пристанище Пастернака.

От пожаров пострадали дом братьев-сказочников Гримм на улице Барфюссер, 35 и жилище реформатора Мартина Лютера под номером 48 по той же улице. Но их удалось восстановить, отметив мемориальными досками. А дом, где провел свои студенческие годы еще один наш знаменитый земляк Михайло Ломоносов, сгорел дотла. Зато чудом уцелел по Бендельгассе, 4 дом его невесты, который ныне сдает небогатый владелец девяти студентам Марбургского университета по сносной цене. Вслед за Михайло Ломоносовым на родину из Марбурга мог вернуться еще один ученый, уже не энциклопедист, но несомненно крупный философ. Пастернак с большим усердием принялся за философию и вскоре удостоился чести быть приглашенным на обед к самому профессору Когану, что ценилось выше отличных экзаменационных оценок. Затем успех в «обеих семинариях». И все-таки поэзия одолела философию.

Иногда говорят, что решающую роль в повороте судьбы сыграла любовная история, тоже происшедшая в Марбурге. Еще в Москве Борис давал богатой Иде Высоцкой уроки «неведомо чего — вернее, в доме оплачивали мои беседы на самые непредвиденные темы». Вместе с младшей сестрой она направлялась к родителям в Берлин, решив по пути навестить «учителя». Сестры остановились в лучшей гостинице, куда и явился скромный студент с объяснениями в любви, описанными позднее в стихотворении «Марбург»:

Когда я упал пред тобой,
охватив
туман этот, лед этот, эту
поверхность
(Как ты хороша) — этот

вихрь духоты!...
О чем ты? Опомнись!
Пропало... Отвергнут.

Попрошаться с Идой не успел, на ходу вскочил на вагонную ступень. Разъяренный кондуктор ухватил за воротник безбилетного пассажира. Выбежали сестры, стали совать деньги кондуктору за возмещение, а Борису на билет. Так и добрался до Берлина. Сестер встретили на вокзале, а появление влюбленного объявили нежелательным. Промокший и продорженный, он вернулся в Марбург — «город исхудал и почернел». Поэтическая персонафикация личного крушения. Позднее он напишет: «Тот удар — исток всего...». Но все-таки не эта драма привела его в поэзию. Он просто родился поэтом.

Решение вернуться в Москву было окончательным, правда, едва набрал денег на обратную дорогу. «Прощай, любовь! Leb wohl, Philosoph!».

Эту строку он написал по-немецки, которым владел великолепно, и сам перевел на русский в «Охранной грамоте»: «Прощай, философия!»

— Передов абсолютно точный, — говорит Барбара.

Конечно, она права. Но мне не хочется соглашаться с этим. Ведь можно перевести и как «всего хорошего, философия!». Философским осмыслением пронизано все творчество Пастернака. И усложненная фактура его стихов — тоже не без влияния философии. Обозревал он «каждое явление в его многообразии» — отзвуки марбургской школы. И даже печник в «Докторе Живаго», «с которым интересно было беседовать о Гегеле», оказывается философом.

Мы зашли с Барбарой к «Феттеру» — в философское кафе, в котором, как предполагают, Борис Пастернак провел свой последний студенческий день в Марбурге. Прямо отсюда отправился на вокзал — «несгораемый ящик разлук моих, встреч и разлук»: «Поезд по дуге срезал все пережитое, и раньше, чем я ждал, пронеслись, налетая друг на друга, река Лан, переезд, шоссе и мой недавний дом... Прощай, Германия!»

...Мы прошли с Барбарой по улочке Пастернака в студенческом городке, где он никогда не бывал. Давно, еще до приезда моей спутницы в Марбург, эту улицу по собственному желанию переименовал в честь нашего поэта преподаватель, имя которого сейчас никто и не помнит. Хранят русскую культуру чужеземцы порой лучше и бескорыстнее, чем мы сами, пренебрегая нашими сокровищами когда от щедрости, когда от безалаберности, а когда и от бескультурья. Хорошо еще, что мы иногда бываем благодарны иностранцам за исправление наших прегрешений. Вот и Барбара Кархоф присудили в 1991 году премию «За подвижничество в культуре» и вручили диплом с подписью академика Д. С. Лихачева, великого хранителя русского культурного наследия.

Рудольф КОЛЧАНОВ,
БОНН—МАРБУРГ.